

Махно Лев Львович

кандидат исторических наук, доцент
Тюльского государственного университета

**ДИСКУССИЯ О ВРЕМЕНИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению дискуссионного в отечественной историографии рубежа XIX–XX столетий вопроса о времени возникновения в России духовных образовательных учреждений. Посредством сравнительно-сопоставительного анализа различных точек зрения отечественных историков автор выявляет предпосылки возникновения в России духовных школ и время их возникновения.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, церковно-государственные отношения, духовное образование и воспитание, отечественная историография.

Makhno Lev Lvovich

PhD in History, Assistant Professor,
Tula State University

**DEBATES ABOUT THE TIME OF
ORIGIN OF THE THEOLOGICAL
SCHOOL IN RUSSIA IN RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY OF
LATE XIX – EARLY XX CENTURY**

Summary:

The article deals with the time of origin of religious educational institutions in Russia, which was a debatable question in the national historiography of the turn of the XX century. By means of comparative analysis of the various opinions of Russian historiographers, the author considers the prerequisites of religious schools establishment in Russia and the time of its occurrence.

Keywords:

Russian Orthodox Church, church-state relations, religious education and upbringing, domestic historiography.

Обращение к изучению представлений русских историков рубежа XIX–XX вв. о прошлом духовного просвещения в России выглядит сегодня вполне обоснованным. Представители всех церковно-исторических школ в своих сочинениях затрагивали вопросы становления и развития образовательной системы Русской православной церкви [1, с. 79–108], что создало для современного исследователя возможности всестороннего анализа. Одновременно с этим следует учитывать, что согласно социальной концепции Русской православной церкви духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание являются одной из актуальных сфер сотрудничества Церкви и государства, что обеспечивает эффективность социального служения ведущей конфессии страны. Этим и объясняется актуальность темы исследования.

Можно предложить, что изучение прошлого духовного образования являлось наиболее разработанным направлением в историографии социального служения Церкви конца XIX – начала XX в.

Цель статьи – посредством сравнительно-сопоставительного анализа трудов представителей конкретных школ церковно-исторической науки и работ светских историков, географически близких к основным центрам церковной гуманитарной науки, рассмотреть все богатство историографического наследия и выяснить время возникновения духовных школ в России.

Обращение к изучению прошлого духовной школы – начальной, средней и высшей – было продиктовано особенностями позднеимперской эпохи, когда образовательная система Русской православной церкви подвергалась жесткой критике даже со стороны современников, живших интересами самой Церкви. Богослов и церковный историк Н.Н. Глубоковский в 1907 г. писал: «Жалобы на неудовлетворительное состояние духовной школы издавна раздавались со всех сторон и с каждым годом усиливаются в своем тоне, достигая резкого напряжения» [2, с. 1].

По словам протоиерея Г. Флоровского, оценивавшего реформу духовных академий в конце 1860-х гг., во многом виноваты были и светские преобразователи, лишённые «... живого чувства церковных нужд и потребностей», что помешало установить связи духовной школы с церковной средой [3, с. 356]. Поэтому интерес к истории церковного образования как наиболее эффективному направлению общественного служения Церкви, уходящему корнями вглубь веков, стал не только наиболее актуальной задачей для православных историков, но и их «спасительной» научной миссией.

Наибольшую полемику в научных кругах духовных академий Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Казани вызвал вопрос о времени возникновения духовного просвещения в России.

Позиция московской школы была представлена в «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского. Профессор считал, что настоящего образования в домонгольский период Церковью

не было создано: «...наше просвещение тогда (как и долгое время после) состояло в одном умении грамоте или умении читать и затем в простом собственном приложении этого умения – в большей или меньшей начитанности, в церковно-учительских книгах, переведенных с греческого языка. Следовательно, у нас поддерживали наше своеобразное просвещение те, кто, во-первых, заботился об училищах грамотности и кто, во-вторых, составлял библиотеки четких книг и тем доставлял возможность читать их» [4, с. 734].

По его мнению, до конца XV в. нет достоверных сведений, свидетельствующих об образовательных инициативах церковной иерархии в отношении малограмотных священников. Первым, кто заговорил о необходимости создания казенных училищ как о средстве борьбы с малограмотностью духовенства, был архиепископ Новгородский Геннадий, о котором историк отзывался с симпатией. Но идеал другого иерарха – Макария, митрополита Московского, был другим: «Идеал этот был самый высокий: по отношению к научной стороне... он мечтал так сказать о грамотных академиях, ибо хотел, чтобы не только хорошо обучали учеников грамоте, но чтобы и делали их книжно-начитанными в церковно-учительных книгах; затем он хотел, чтобы ученикам давали возможно лучшее нравственное воспитание» [5, с. 87–88]. Митрополит Макарий пошел по пути создания частных училищ, но эту инициативу Е.Е. Голубинский характеризует как «мертвую букву» в деяниях Стоглавого собора.

Научная позиция воспитанника Московской академии, профессора Одесского университета А.П. Доброклонского, выглядела более умеренной. В своем «Руководстве...» в домонгольский период, в отличие от Е.Е. Голубинского, он включил целую главу «Состояние духовного просвещения и православного вероучения». Он отмечал, что духовное просвещение в этот период развивалось исключительно под византийским влиянием: «...Эти греки вводили у нас просвещение именно в тех размерах, в каких оно существовало в Греции, – просвещение собственно научное, а не одну лишь грамотность» [6, с. 153]. Но в дальнейшем он поправляет свой тезис и старается быть объективным: научное просвещение не получило развитие, потому что слабо было организовано учебное дело. «Именно организованных правительственных училищ с постоянным кругом учения у нас не существовало, – писал историк, – древние свидетельства говорят лишь об учителях, которые частным образом ведут дело обучения, не подлежа государственному учебному контролю, учат чему хотят» [7, с. 156]. И все же А.П. Доброклонский упорно остается сторонником идеи распространения грамотности в обществе в киевский период, хотя подтверждает ее существование скромным фактическим материалом.

В период северно-русской митрополии (1237–1588 гг.) ситуация в сфере духовного просвещения, по мнению А.П. Доброклонского, осложнилась отсутствием «истинного школьного образования», когда существовали лишь грамотность и начитанность. Причины историк усматривает в культурной изоляции Руси в период монгольского нашествия от Византии и Западной Европы. Он приходит к неутешительному выводу: «Оставшись без посторонних источников и руководителей в деле просвещения, русские должны были руководствоваться собственными образовательными средствами» [8, с. 520]. К ним он относит школы при некоторых монастырях, церквях и домах частных лиц, в которых учили элементарной грамоте и богослужебной практике; четкие книги и библиотеки. Вслед за Е.Е. Голубинским А.П. Доброклонский уделяет внимание инициативе новгородского владыки Геннадия по созданию училищ, при этом ссылается на несколько источников, не упомянутых своим предшественником [9, с. 524–525]. К сожалению, рассуждения о состоянии духовного образования историк не завершает выводом, который был необходим для читателя. Таким образом, следуя логике А.П. Доброклонского, следует признать, что и в период 1237–1588 гг. не было создано научного духовного образования, но существовало всего лишь элементарное обучение грамоте.

Характеризуя состояние духовного просвещения в патриарший период (1589–1700 гг.), А.П. Доброклонский вновь говорит о стойком неприятии Московской Русью научного образования, которое он объяснял привычкой русского общества к невежеству, боязнью от науки впасть в религиозное заблуждение, стереотипностью традиционалистского сознания. Для историка более прогрессивной в ученом плане представлялась Южная Русь, в частности образовательная миссия митрополита Киевского Петра Могилы [10, с. 72–73]. Просветительская деятельность среди духовенства, по словам ученого, возникла и завершилась в Великороссии в XVII в. Заслужив Петра I А.П. Доброклонский считает начало создания системы духовного образования вслед за светским, так как «умственное образование делалось насущной потребностью России» [11, с. 1928–1929]. Автор фиксирует важный факт: Петр дарует титул духовной академии Киевской коллегии – единственному на тот момент высшему духовному образовательному учреждению. Этим историк подтверждает свою гипотезу о южном влиянии в становлении духовного просвещения. Эту идею подкрепил в дальнейшем и Н.Ф. Каптерев, отмечавший приезд в Москву ученых киевлян по инициативе митрополита Петра Могилы (1-я половина XVII столетия).

А.П. Доброклонский связывает факт возникновения первых организованных школ, условно, с личностью царя-преобразователя, а их угасание относит к эпохе его наследников: «По смерти Петра I, когда духовное попечение правительства о заведении духовных школ ослабело, открытие новых школ сделалось редкостью; из существовавших некоторые закрывались за недостатком или средств и учителей, или попечений епархиальной власти.

Но тем не менее находились иерархи, ревностно трудившиеся на пользу школьного просвещения» [12, с. 1934]. Однако были и светлые страницы, на которых А.П. Доброклонский останавливает свое внимание, например манифест и регламент Анны Иоанновны, согласно которому во всех епархиях должны быть открыты духовные школы.

Подробно историк описывает политику других русских императоров XVIII в. в деле духовного просвещения, отмечая заслуги Елизаветы I, Павла I, но особенно выделяя проекты реформ духовной школы Екатерины II. Как писал историк, проекты не осуществились, но некоторые мысли проекта о духовных школах нашли применение на практике. Например, увеличилось число учащих семинарий и училищ до 12 000 человек, в дальнейшем были созданы Казанская и Петербургская академии [13, с. 1941]. Несомненно, «золотым периодом» в становлении системы духовного просвещения стало правление Александра I, и А.П. Доброклонский подробно реконструирует эпоху с 1808 г. Важным для автора представлялся итог: «Все духовные школы выделялись в особое духовно-учебное ведомство и получили стройную организацию» [14, с. 1954].

Симпатии историка находятся на стороне XIX в. и русских государей, непрестанно совершенствовавших систему духовного просвещения: «Одним из важных дел нынешнего царствования является забота о народном образовании в духе той же церковности» [15, с. 1966]. Тем самым в критикуемом современниками синодальном периоде А.П. Доброклонский видит благо для системы церковного образования, возникшей в XVIII–XIX вв., что стало также в дальнейшем предметом научной дискуссии.

Научная позиция А.П. Доброклонского привлекает своим глубоким и подробным подходом к изучению прошлого духовного просвещения, что выгодно отличает ее от материала, содержащегося в работе Е.Е. Голубинского. При изучении каждого из четырех периодов церковной истории А.П. Доброклонский стремится дать ретроспективу духовного просвещения, что выглядит уместным.

К проблеме генезиса духовной школы обращаются и светские московские историки, на научные представления которых во многом оказали влияние работы профессуры Московской духовной академии, прежде всего «История русской церкви» Е.Е. Голубинского. К таким ученым относился профессор Московского университета Павел Николаевич Милюков (1859–1943 гг.). В своих «Очерках по истории русской культуры» он отмечал дискуссионность вопроса о времени возникновения образования под влиянием Церкви. При этом себя историк отнес к той категории исследователей, которые сомневаются в существовании как светской, так и церковной школы до Петра [16, с. 227].

Вспоминая о допетровском периоде, П.Н. Милюков не считает правильным вести речь об образовании, но вслед за церковными авторами полагает, что можно говорить всего лишь об элементарной грамотности, и только духовного сословия. Историк пропускает киевский период и в поиске свидетельств о грамотности русского духовенства сразу переходит к реформаторским проектам архиепископа Новгородского Геннадия: конец XV – начало XVI столетия. В отличие от Е.Е. Голубинского и А.П. Доброклонского, П.Н. Милюков не останавливается подробно на духовном просвещении XVI в. Он подмечает важную особенность: «...Церковь, не имевшая возможности обеспечить правильного школьного образования даже для собственных членов, тем не менее могла воздействовать посредством школы на светское общество» [17, с. 230].

Работа П.Н. Милюкова интересна и тем, что ему удалось обозначить важную тенденцию в истории образования допетровского периода, которая вполне могла быть применима и к духовной школе. Он пишет, что потребность в правильной организации среднего и высшего образования возникла в первую очередь по сравнению с организацией элементарной школы.

Историю высшего духовного образования XVII в. он начинает не с Московии, а с Южной Руси, переключаясь в этом с А.П. Доброклонским. Но его исследование выявляет влияние Киевской академии, которое доходило и до Москвы: «За отсутствием других подобных учреждений, Киевская академия надолго оставалась единственным рассадником духовных лиц, обладавших высшим богословским образованием» [18, с. 232]. Останавливает он свое внимание и на создании Федором Ртищевым нового Андреевского монастыря, который заселяется южнорусскими монахами, что свидетельствует о воплощении в жизнь просветительской идеи митрополита Петра Могилы. Несмотря на конфессиональную общность, П.Н. Милюков считает, что киевское просветительское влияние было все же латинским влиянием, хотя сам искренне ему симпатизирует. Историк подробно показывает, что сфера духовного образования оказалась ареной ожесточенной борьбы, главной целью которой было недопущение проникновения латинства и религиозного

вольномыслия. Именно на этом фоне появляется Славяно-греко-латинская академия братьев Лихудов. Но для него важным представляется то, что для других православных историков было крамольной мыслью: сфера высшего образования в конце XVII столетия оказалась не монополизирована Русской церковью [19, с. 239–240].

Более продуктивным видится П.Н. Милюкову петровский период в становлении светской и духовной школы под влиянием богословской Славяно-греко-латинской академии. «Создание этой первой в России сети духовных и светских школ, – характеризовал П.Н. Милюков создание Петром школ в провинции, – собственно, и было тем огромным шагом вперед, который делает из петровского царствования эпоху в истории русского образования» [20, с. 270]. Историк считает, что петровское правление сказалось благотворно прежде всего на провинциальном духовном образовании, представленном к 1725 г. уже сорока шестью школами. Важен и вывод П.Н. Милюкова, что епархиальная школа как фундамент духовного образования, созданная Петром в XVIII в., оказалась устойчивее светской [21, с. 275]. Но необходимо отметить, что «Очерки...» П.Н. Милюкова подверглись серьезной критике со стороны церковных историков, отмечавших, что автор встал на сторону того, кто представляет Русь лишенной образования [22, с. 184].

Разбор критических замечаний со стороны церковных историков в адрес труда П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» находится за рамками настоящего исследования. Однако на основании сопоставления научных воззрений историографов Е.Е. Голубинского, А.П. Доброклонского и П.Н. Милюкова можем заключить, что время возникновения духовных школ следует датировать началом XVI столетия – точка зрения профессора Е.Е. Голубинского, а время возникновения духовного образования – эпохой Петра Великого. Этот вывод подтверждается сходством точек зрения профессоров А.П. Доброклонского и П.Н. Милюкова на вопрос о времени возникновения научных духовных школ.

Ссылки и примечания:

1. Константин (Горянов), архиеп. Тихвинский. История Санкт-Петербургских духовных школ от основания до реформы: 1721–1808 годы // Мир человека. 2008. № 3.
2. Глубоковский Н.Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907.
3. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Минск, 2006. 607 с.
4. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2: Период второй, Московский. От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. 2-я пол. тома. М., 1900.
5. Там же. С. 87–88.
6. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2008. 2884 с.
7. Там же. С. 156.
8. Там же. С. 520.
9. Там же. С. 524–525.
10. Эту идею подкрепил в дальнейшем и Н.Ф. Каптерев, отмечавший в исследованиях по расколу факт приезда в Москву ученых киевлян по инициативе П. Могилы и восприимчивость к их идеям членов кружка ревнителей древнего благочестия. См.: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1.
11. Доброклонский А.П. Указ. соч. С. 1928–1929.
12. Там же. С. 1934.
13. Там же. С. 1941.
14. Там же. С. 1954.
15. Там же. С. 1966.
16. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1897. Ч. 2.
17. Там же. С. 230.
18. Там же. С. 232.
19. Там же. С. 239–240.
20. Там же. С. 270.
21. Там же. С. 275.
22. Смирнов С.И. Библиография. Новые издания материалов по истории Русской Церкви // Богословский вестник. 1899. № 1.

References:

- Dobroklonsky, AP 2008, *Guide to the Russian Church history*, Moscow, 2884 p.,
Florovsky, G prot. 2006, *Ways of Russian Theology*, Minsk, 607 p.,
Glubokovsky, NN 1907, *For spiritual schools (middle and high) and an academic committee of the Holy Synod*, St. Petersburg,
Golubinsky, EE 1900, *History of the Russian Church. Vol. 2: The period of the second, Moscow. From the invasion of the Mongols to the Metropolitan Macarius, inclusive*, Moscow,
Kapterev, NF 1909, *Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich*, Sergiev Posad, vol. 1,
Konstantin (Goryanov), Arch. of Tikhvin 2008, 'History of the St. Petersburg Theological Schools from the bottom to the reform: 1721-1808', *Mir cheloveka*, no. 3, (in Russian).
Milyukov, PN 1897, *Essays on the History of Russian Culture*, St. Petersburg, part 2,
Smirnov, SI 1899, 'Bibliography. New publications of materials on the history of the Russian Church', *Bogoslovskiy vestnik*, no. 1.